

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 МАЯ 1950 Г.

Спусти двадцать лет...

У ЛАУРЕАТА СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ КОМПОЗИТОРА-ЗАБАЙКАЛЬЦА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА БУДАШКИНА

Это было почти двадцать лет назад. Только что закончивший на Читинском паровозо-вагоноремонтном заводе фабзавуч, кузнец Коля Будашкин после работы, заметно робея, пришел в заводской клуб на первую в своей жизни репетицию оркестра. Он попал сюда не случайно. Среди заводских рабочих было много талантливых музыкантов-любителей. Слесари-кларнетисты, токари-балалаечники, фрезеровщики-домристы, они после смены с упоением занимались музыкой. И в летнем саду, расцвеченном густыми красками жаркого, но короткого лета, вечерами долго слышались нежные и веселые мелодии. Хорош был оркестр, всем хорош. Но мало-мало было музыкантов...

Кто на Первой Чите не знал семью Будашкиных? Отца — отличного маляра и чудесного музыканта, и трех его сыновей, работавших на паровозо-вагоноремонтном заводе на литье, в слесарной и в кузнице, и тоже одаренных чистыми голосами и, главное, отличным, как говорят музыканты, «абсолютным» слухом.

Особенно певучим был младший — кузнец Коля. Это неважно, что в пеще все гремит, что даже собственный голос не слышишь: петь надо всегда! И он пел. Но еще больше, чем пением, он поражал своих взрослых друзей игрой на балалайке. Нот юноша не знал и все, что получалось, было рождено слухом. Во время обеденного перерыва его заставляли брать балалайку и требовали громко и повелительно, требовали музыки... Вот так он попал на первую репетицию оркестра. С этого, можно сказать, и началась то, что именуется творчеством.

...Теперь уже трудно вспомнить кто первым подал мысль о поездке в консерваторию. Но это не суть важно. Важно иное: кузнеца Коллю Будашкина завод отправлял учиться в Москву, в консерваторию. Здесь не обошлось без сложностей. Дело в том, что тогда редко кто из читинцев уезжал учиться в столичную консерваторию. Чита не попадала в разрядку, и поэтому отвоевать место было отнюдь не легко и не просто. Но за него стояли горой дирижер заводского оркестра и музыканты, партком завода и вся кузница. Место было отвоевано. И в один из ранних осенних вечеров к московскому поезду пришли друзья и товарищи. Николай Будашкин держал в правой руке чемоданчик, в левой — балалайку. Счастливыми глазами он смотрел на отца, братьев, товарищей... Через несколько минут за окном проплыла зернистая чистота Кеменова, и Чита в последний раз ободряюще мигнула юноше вечерними огнями, напутствуя его в счастливый дальний путь.

— Вот так в Чите начал я заниматься музыкой, — вставая из-за рояля сказал Николай Павлович Будашкин.

В это светлое весеннее утро он продолжал работу над новой симфонической поэмой о товарище Сталине, которая уже давно занимает мысли и чувства композитора. Поэма была задумана еще весной прошлого года. Задумана большой и торжественной, сердечной и радостной... Много было продумано, перечувствовано, осмыслено и даже написано. Немалая часть поэмы уже живет в звуках. Но написана покуда лишь половина, да и то, что уже создано, должно быть обогато и отшлифовано.

— Образ Сталина столь величествен и монументален, что нужна величайшая чистота, строгость и лаконизм, — говорит нам композитор. — Будущая поэма мыслится мне именно в такой чеканной форме. Этого достичь, естественно, нелегко.

Выростивший в Забайкалье композитор — лауреат Сталинской премии Николай Будашкин широко известен советскому слушателю как автор талантливой, яркой музыки для оркестров народных инструментов. Его поэтичные концерты, сюиты, симфонии, передающие чудесный колорит русской песни, завоевали огромные аудитории. Еще в Чите Будашкин больше всего любил песню. Ей он отдал немало вдохновенных часов, дней и месяцев в консерватории. Ею увлекся в мирные годы, и с ней не расставался в годы войны, будучи офицером военно-морского флота. Он мечтал изучить

песенные сокровища Родины и попытаться дать некоторым из них новую, вторую жизнь. И ему удалось реализовать некоторые свои творческие планы.

Он много ездил по стране, слушал пенью волгарей, частушки рязанских колхозниц, напевы архангельских поморов... Все, что им написано, органически связано с песней.

— Народные песни — это чистый мрамор. Строгость, чеканная форма, ничего лишнего. Именно поэтому они и живут веками, — говорит композитор.

Песни и сейчас занимают его. Он пишет новые сочинения именно на эти темы. Недавно, к примеру, он написал музыку к народной сказке «Иван да Марья», поставленной в Москве известным читинцам Центральным театром транспорта. Сейчас он занят сбором материала для будущих своих сочинений.

Мы разговорились о Забайкалье, вспомнили привольные леса у Петровска, зеленые чащи Дарасуна...

— Уже несколько лет я размышляю о большом симфоническом произведении о моем родном крае, — рассказывает Николай Павлович. — Надо признаться, что мы — музыканты, в огромном долгу перед этой чудесной землей... Сколько там тем, какой богатый материал дает Забайкалье!

В большой советской музыке тема Забайкалья, к сожалению, до сих пор не нашла своего отражения.

Ни чудесная советская новь, ни прошлое края еще не воспеты в музыке. А ведь сколько мелодий, мотивов, тем так и просится в руки... Будашкин вспомнил самые чистые и самые суровые русские песни: «Глухой, неведомой тайгой», «По диким степям Забайкалья», «Слушай»... и, наконец, «Славное море»...

— Что за песни! Да, пожалуй, рядом с ним немногое можно поставить... и особенно «Славное море». Сто лет русские люди пели этот гимн чудесному сибирскому морю, не зная даже имени его автора. Только недавно установили, что его написал забайкальский учитель Дмитрий Павлович Давыдов... Послушаешь эту песню и хочется написать хотя бы что-нибудь подобное...

Композитор охотно поведал нам, как в общих чертах мыслится будущее сочинение о Забайкалье. Песни станут основой его музыкальной ткани — строгие, чистые и яркие народные песни. Используя все, что можно «выжать» из оркестра, надо попытаться передать слушателю образ возрожденного советской властью края, края новых городов и заводов, несметных богатств и чудесной красоты, края сильных и гордых своим отечеством советских людей — правнуков землепроходцев, людей, покоряющих вечную мерзлоту, глухую тайгу...

— Кое-какие «заготовки» к этой теме, признаться, уже сделаны, — говорит тов. Будашкин. — Недавно я написал на эту тему композицию для радио. Но это лишь дальние подступы к большой и важной теме. Надо посещать домой, в Забайкалье. Непременно надо съездить, вспомнить, сравнить.

Изданка из Читы в московскую квартиру композитора приходят письма. Иногда кто-нибудь из читинцев заедет в столицу погостить, и даже привезет живую ветку багульника. Но чтобы написать такую музыку, какую хочется, надо самому снова побывать на тихом Кемене, у Сохотино, на Ояне и Шилке, у Халка, Петровска...

...Не так давно вместе с государственным оркестром народных инструментов СССР Николай Павлович гастролировал в одной из европейских стран. Простые люди, заполнившие доотказа опромный концертный зал с благоговейным вниманием слушали русскую музыку.

Наш разговор перешел на новую, самую важную тему: музыка должна помогать народу сражаться за мир и выиграть его. Это сейчас главное! Американцы оглушают человека потоком низкопробной упадочной музыки. Наша советская музыка, прославляющая жизнь, свет, счастье труда, любовь, веру и близкое торжество коммунизма, музыка — нежная, ясная, строгая, человечная — утверждает жизнь, мир, светлое будущее.

П. ЕВТЕЕВ.

Г. Москва.